

— У второй жены проблемы с горлом — это давний недуг, и если начать лечение сейчас, то полностью восстановить его уже не получится. Я выпишу ей два лекарства, а что касается трудностей с речью... Пусть второй господин побольше разговаривает с ней, и с практикой всё наладится.

Сун Цзиньшу начал ежедневно принимать лекарства вместе с Янь Чи. Выросший в сельской местности, он обладал крепким здоровьем и редко болел, но за эти несколько дней в доме Янь он выпил больше лекарств, чем за всю свою жизнь.

Зная, что Сун Цзиньшу не любит горькое, Янь Чэн каждый день оставлял у служанки османтусовый леденец, и только после того, как Сун Цзиньшу послушно выпивал лекарство, он получал награду.

Янь Чэн, заботясь о нём, не забывал и подшучивать. Если Сун Цзиньшу не просил леденец сам, служанка не предлагала его.

Сначала Сун Цзиньшу стеснялся просить у служанки, но горький вкус во рту становился невыносимым, и он, покраснев, указал на маленький пакетик в её руках, а затем на пустую чашку.

Только тогда служанка передала ему леденец, украдкой улыбнувшись, и унесла пустую чашку на кухню.

Сун Цзиньшу, смакуя леденец, смущённо прикрыл лицо шёлком «Цзинь», но через мгновение вспомнил, что этот шёлк предназначен для продажи, и поспешно положил его обратно в корзину.

Лавка тканей и магазин готового платья в последнее время процветали. На праздновании дня рождения старого господина Юэ многие узнали о статусе Янь Чэна, и всё больше людей обращались к нему за одеждой.

После ужина Юэ Тунчжоу неохотно попрощался с Сун Цзиньшу и отправился в дом семьи Юэ, расположенный в западной части города.

Едва он ушёл, как Янь Чэн верхом на лошади въехал во двор. Звон копыт по каменным плитам разнёсся по округе, и Сун Цзиньшу, услышав это, поспешно вышел из дома.

Янь Чэн привязывал лошадь к дереву во дворе.

Ему предстояло снова уехать вечером, так как результаты весенних экзаменов уже были объявлены, и новая партия чиновников должна была получить одежду из магазина Янь Чэна.

Магазин был завален работой, и даже с несколькими помощниками управляющий не справлялся, поэтому пришлось привлечь и молодого хозяина. Янь Чэн вернулся, чтобы проведать Сун Цзиньшу, а затем снова отправился в магазин.

За Сун Цзиньшу шла служанка с чашей лекарства. Вечернее снадобье варилось долго, и его вкус стал ещё горче. Сун Цзиньшу, едва пригубив, скривился от горечи.

Как бы служанка ни уговаривала, он отказывался выпить лекарство.

Увидев, что Янь Чэн вернулся, служанка с облегчением передала ему чашку.

Во дворе часто говорили, что второй господин строг с новой женой, но на самом деле это была забота — он не хотел, чтобы Сун Цзиньшу испытывал даже малейшие неудобства.

— Второй господин, вы вернулись как раз вовремя, — служанка, у которой на поясе висел османтусовый леденец, заметила, как взгляд Сун Цзиньшу задерживается на нём. — Молодой господин ни в какую не хочет пить сегодняшнее лекарство. Пожалуйста, уговорите его.

Янь Чэн поднял бровь, взглянув на Сун Цзиньшу, взял чашу из рук служанки и жестом попросил её передать леденец, после чего отпустил её из двора.

— Не хочешь пить лекарство?

Янь Чэн одной рукой обнял Сун Цзиньшу за талию и повёл его в дом. Тонкая и мягкая талия Сун Цзиньшу казалась в его руке словно горсть воды, которая вот-вот выльется при малейшем усилии.

— Лекарство горькое.

Это лекарство предназначалось для лечения горла, и его нельзя было сразу проглотить — нужно было подержать во рту, поэтому горечь ощущалась ещё сильнее.

— Горькое лекарство — лучшее лекарство, — Янь Чэн, обняв Сун Цзиньшу, сел. — Врач сказал, что если ты будешь хорошо принимать лекарство, горло быстрее поправится. Я хочу слышать, как ты говоришь со мной.

Сказав это, он достал османтусовый леденец из бумаги и положил его в рот. Белая конфета подчеркнула яркий красный цвет его губ, а зубы слегка прикусили обёртку. Сун Цзиньшу, наблюдая за этим, сглотнул.

— Если ты выпьешь лекарство, я дам тебе конфету.

Неясно, что было более привлекательным — конфета или губы Янь Чэна, державшего её.

Сун Цзиньшу закрыл глаза и, словно готовясь к смерти, залпом выпил лекарство, подержав его в горле несколько секунд, прежде чем проглотить.

Когда он снова взглянул на губы Янь Чэна, конфеты там уже не было — он её съел.

Сун Цзиньшу надулся и хотел отвернуться, но Янь Чэн схватил его за подбородок и поцеловал.

Его язык легко проник в рот Сун Цзиньшу, настойчиво открывая зубы и проникая внутрь. Сун Цзиньшу попытался сопротивляться, но почувствовал, как что-то квадратное проталкивается в его рот.

Это был османтусовый леденец.

Сладкий вкус распространился по рту, быстро заглушая горький и терпкий привкус.

Сун Цзиньшу быстро зажал конфету зубами, забыв вытолкнуть язык Янь Чэна. Но через мгновение тот снова наступил, забрав конфету обратно.

Сун Цзиньшу вынужден был обхватить шею Янь Чэна, запрокинув голову, чтобы вернуть свою конфету.

В этой борьбе османтусовый леденец давно растаял от температуры во рту, и оба съели его. Звуки поцелуев наполнили спальню.

Через некоторое время Янь Чэн отпустил Сун Цзиньшу.

Тот, покраснев и с ослабевшими ногами, упал в объятия Янь Чэна, тяжело дыша свежим воздухом.

Янь Чэн, прижав язык к нёбу, с преувеличенным звуком причмокнул, заставляя Сун Цзиньшу покраснеть ещё сильнее. Тот не мог смотреть в глаза Янь Чэну, его взгляд блуждал по столу, а уши горели.

— М-м, лекарство действительно горькое. Завтра велю добавить немного солодки.

Янь Чэн вытер серебряную нить, случайно оставшуюся в уголке рта Сун Цзиньшу.

— В следующий раз, если не будешь пить лекарство, я снова так накажу тебя. Осмелишься ли ты снова отказаться?

Рот Сун Цзиньшу онемел от поцелуя. Под пристальным взглядом Янь Чэна он ответил:

— Не... не буду пить лекарство.

Янь Чэн на несколько секунд замер, затем рассмеялся, одновременно раздражённый и восхищённый, но его возбуждение уже достигло предела.

Проклиная про себя дела, он решил, что больше не будет заниматься ими.

Подняв Сун Цзиньшу на руки, он понёс его к кровати.

Сун Цзиньшу вскрикнул, боясь пошевелиться, чтобы не упасть с плеча Янь Чэна, и крепко ухватился за ткань его одежды.

Полог кровати опустился, а переплетённые тени от свечей растянулись на бумаге окна. Скрип кровати и смешанные звуки воды и стонов заставляли краснеть даже самых стойких.

В бамбуковом саду.

Янь Чи проснулся в постели, но в комнате уже никого не было. Он потянулся к стороне, но она была холодной — Шэнь Юйсю ушёл уже давно.

Внутренняя сторона бёдер болела от невыносимой опухоли. Янь Чи осторожно сомкнул ноги, чувствуя липкость кожи — очевидно, его уже смазали мазью.

Опираясь на поясницу, он встал с кровати. На столе лежал пейзаж.

Он однажды мимоходом упомянул о нём, и Шэнь Юйсю действительно купил его для него. Под чашкой лежала записка.

На ней был написан почерк Шэнь Юйсю, похожий на плывущие облака и летящего дракона.

«Мои родители ещё живы, придет время, и Сючжу с нами снова отправится на гору Ушань. Эта картина выражает мою любовь, надеюсь, глядя на нее, ты будешь думать обо мне».

Янь Чи осторожно сложил записку и положил её в шкатулку, которая уже была полна других записок, которыми они обменивались с Шэнь Юйсю.

Повернувшись, он увидел разбросанную на полу одежду. С трудом наклонившись, он собрал её и бросил в корзину.

— Маленький неблагодарный.

Янь Цзэ, после того как Янь Чэн отчитал его, долго не появлялся, пока в середине мая не начались каникулы в школе, и он снова оказался в поле зрения Сун Цзиньшу.

Янь Цзэ за это время сильно вырос, и, похудев, стал всё больше походить на Янь Чэна. Когда он молчал с холодным выражением лица, Сун Цзиньшу мог разглядеть в его чертах бывшее сходство с Янь Чэном.

— Вторая невестка.

Янь Цзэ, простудившийся ранней весной, всё ещё не оправился, и его голос был хриплым. Увидев Сун Цзиньшу, он инстинктивно хотел спрятаться в комнате.

Оглядевшись и не увидев Янь Чэна, он остановился у двери и встретился взглядом с Сун Цзиньшу.

Сун Цзиньшу всё ещё думал о вчерашнем наказании от Янь Чэна, размышляя, не отказаться ли от лекарства сегодня, чтобы снова получить наказание, как вдруг солнечный свет перед ним был закрыт чьей-то тенью.

Он поднял глаза и встретил замороженный взгляд Янь Цзэ.

— Вторая невестка одна во дворе?

Карманные деньги Янь Цзэ были урезаны Янь Чэном наполовину, и его украшения тоже уменьшились, делая его вид более скромным.

— Ага.

Поясница Сун Цзиньшу всё ещё болела, и он лениво лежал в бамбуковом кресле, глядя на Янь Цзэ.

<http://bllate.org/book/16689/1531890>